

РАЗДУМЬЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

Уход из жизни незаурядного человека у людей, хорошо его знавших, рождает, конечно, особенно острое ощущение невозвратимости потери. Но, хочу сказать, в чем-то им (т.е. нам!) ведь, как ни странно, и легче... Явно, например, в том отношении легче, что вспоминая о чертах личности ушедшего, о делах, совершенных или задуманных им, - нет хотя бы необходимости прибегать к почти обязательным для таких ситуаций преувеличениям...

Вспоминаешь вот об Учителе, а память возьми да и "поведи себя недисциплинированно". Почему-то "выплыл" вдруг - для поминальных размышлений совсем как бы и не "по рангу" - весьма занимательный рассказ И.Д. об одном из его посещений академика Н.М.Дружинина. (Думаю, со мной согласятся - рассказчик И.Д. вообще был интересный). Воспроизведу здесь, насколько запомнил, ключевой фрагмент этого рассказа. - "Как поживаете, Н.М.? - Да не очень хорошо, И.Д. - Почему же? - Так, И.Д., работать сейчас могу уже только шесть часов в сутки, не более... - Побойтесь бога, Н.М.! Если бы все сотрудники нашего Института истории работали каждый день по шесть часов, то, Вы знаете, как далеко вперед продвинулась бы наша наука!" Нужно было видеть, с каким удовольствием И.Д. - к тому времени уже общепризнанный "трудоголик" - рассказывал все это!

Весьма красноречива для характеристики того же "трудоголизма" Учителя также циркулировавшая среди его учеников и коллег одна, как понимаю, полубыль-полулегенда. Он, гласила молва, даже в ночь на 1-е января, отметив наступление Нового года, случалось, потом еще усаживался за письменный стол... "немного поработать"...

Я познакомился с ним и вскорости решил у него специализироваться в ту пору, когда уже всюю проявился столь удивительный для нашего брата-историка универсализм исканий И.Д. Они простирались от наиболее общих проблем теории и методологии научного познания до самых специальных вопросов методики и техники исторических исследований. Тогда, в 1974 г., для многих из нас, только выбиравших путь в исторической науке, "томимых", в частности, довольно смутной тягой к "иному", т.е. неофициозному канону "Научности", к иным "Методам", "Альтернативам" и т.п. - его лекции по методологии истории и количественным методам явились, без преувеличения, чем-то вроде: "Сезам, откройся!" Помню, как меня просто восхитила напрочь лишенная казенной "идеологичности" трактовка им пресловутой "партийности науки".

Не могу не воспроизвести здесь эту трактовку. По нему, "партийность" в качестве непременных условий предполагала, во-первых, отсутствие ограничений в выборе и постановке исследовательской задачи, во-вторых, свободу выбора методов исследования, и, в-третьих, - отсутствие ограничений в интерпретации полученных результатов... От "нормативной" партийности оставались, таким образом, "рожки да ножки"!

Как исследователь И.Д. работал в сферах пересечения научных интересов изрядного числа профессиональных сообществ. В их рамках было высказано и написано к тому времени уже столько, что провокационная поэтическая гипербола относительно того, что: "Все на свете сказано, не сказанного - нет!.." - могла показаться не столь уж и легковесной. И вот здесь и проявилось то, что, на мой взгляд, было в нем как в ученом главным: умение взглянуть на объект изучения совершенно по-иному, нежели это делали многие десятки его предшественников и современников. Благодаря этой его способности найти в той или иной теме совсем, казалось бы, неожиданный ракурс - как раз и становилось возможным то, что его давний соратник Л.В.Милов совершенно справедливо, по моему убеждению, квалифицировал как научные открытия. Ярким примером открытия по большому счету может служить хотя бы работа И.Д. по крестьянским бюджетам.

Именно этот дар нестандартного видения истории был, как представляется, решающим фактором для становления явления, получившего уже при жизни Учителя название "Школа Ковальченко".

Причем нелишне отметить, что тогдашние общественно-политические условия отнюдь, мягко говоря, не способствовали ее (школы) формированию. Скажу больше: если бы не искусство Компромисса, которым И.Д. по необходимости также обязан был владеть достаточно хорошо, то школа - именно как "школа" - еще на стадии своего формирования была бы, по всей очевидности, так сказать, "трансформирована". То, что это не преувеличение - доказывает печальная судьба "нового направления"... Да и последующие "сигналы" в ЦК "бдительных" историков, возмущенных, к примеру, "антиленинскими" подходами того же И.Д. к типологии губерний России.

Несравненно меньше обращают внимание на другое. А оно-то и есть главное! Ведь искусство маневрирования, которым, опять-таки подчеркиваю, по необходимости вообще вынуждены были владеть наши обществоведы, - у И.Д. имело, так сказать, "сферу применения" гораздо более узкую, чем того объективно требовало положение истории как "поднадзорной науки". В отстаивании этического и профессионального кредо он проявлял ох как нечастую для той поры и для нашего рода занятий твердость и смелость! Когда, например, высокие идеологические "инстанции", имея в виду реальные научные

разногласия, существовавшие между ним и представителями "нового направления", попытались использовать его в качестве орудия разгрома оногo - И.Д. определенно дал понять, что он "совсем по другому делу".

Считаю долгом отметить здесь, что именно его смелость не раз в период с 1976 по 1985 гг. спасала меня от "Berufsverbot" (запрета на профессию), которым реально угрожали мне политические и идеологические претензии ко мне партийных органов и КГБ. Знаю и другие случаи действенной - и отнюдь не тайной - поддержки Иваном Дмитриевичем в ту пору коллег, оказавшихся перед лицом гласной и негласной дискриминации по причинам, связанным с их политическими взглядами или национальной принадлежностью. От советского ученого-обществоведа, главного редактора ведущего исторического журнала - это также требовало, надо полагать, немалой смелости...

Роль И.Д. в моем становлении как историка была столь значительна, что не представляется возможным ее переоценить. И самое интересное при этом, что за 23 года нашего знакомства он никогда в прямом смысле-то мною и не "руководил" (да и вполне соглашался я с ним далеко не всегда). Его воздействие на меня и, очевидно, на других учеников было слишком отличным от советской традиции идейно-методологического надзора над молодыми формирующимися исследователями. Определенно - учеником главным образом "руководили" масштаб личности И.Д., талант, незаурядность, интеллектуальная смелость, работоспособность, постоянная жажда нового. Даже, наконец - его способность к самоиронии!

Конечно, и И.Д. в чем-то был, если перефразировать Б.Пастернака, "мучеником директивных догматов" эпохи. И ему, естественно, приходилось в своих публикациях соблюдать идеологический ритуал и "отбивать" хотя бы некоторые из "обязательных поклонов" претензиям официального марксизма-ленинизма на монопольное обладание истиной. Подобные места читать, понятно, досадно... Для меня в особенности - в I части его фундаментальных "Методов исторического исследования". Работы в целом, безусловно, превосходной и, на мой взгляд, являющейся подлинной "книгой книг" покойного Учителя.

И если можно так выразиться, то в нем эти "примеси" директивной догматики были в своем роде "исчезающе малой величиной", никак не сравнимой с его ролью одного из "отцов-основателей" школы советской клиометрии, лидером которой, равно как и аграрной истории, он оставался до своей безвременной кончины.

Удивительный и столь трудный жизненный путь И.Д. - чудом выжившего фронтовика, рабочего, ученого - все свершенное им, да и начинания, которым уже не суждено осуществиться - определенно делают излишними почти неизбежные в поминальном слове "святые преувеличения". И еще. Рассказывая мне как-то о своих "корнях" по отцовской линии, И.Д. подчеркнул, что и дед (довольно давно уже), и отец были долгожителями. А после небольшой паузы добавил: "Ну, начало третьего тысячелетия я надеюсь встретить"... Увы!!!